

БОГИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

МИХАИЛ СЕРЯКОВ
СВАРОГ
ПОБЕДИТЕЛЬ ЗЛА

УДК 94.001.5
ББК 63.3(2Рос)
С 32

Оформление *Б. Протопопова*

Серяков М. Л.

С 32 Сварог. Победитель зла / Михаил Серяков. — М. : Алгоритм, 2013. — 432 с. — (Боги древних славян).

ISBN 978-5-4438-0303-6

Сварог — бог, с которым связан переход к упорядоченному человеческому обществу и возникновение материальной культуры. В книге на большом фактическом материале показывается начало использования огня первобытным человеком, постепенное возникновение гончарного и кузнечного ремесел, земледелия и связь этих важнейших процессов, преобразивших жизнь древнего человека, со Сварогом. Но еще важнее была для наших далеких предков его связь со сменой матриархата патриархатом и грандиозным духовным переворотом, навсегда изменившим коллективное сознание и заложившим основы уникальности духовного облика славянских народов.

В этой ипостаси Сварог предстает перед нами как бог-победитель зла, причем зла как внешнего, так и таящегося внутри человека. И именно благодаря этому судьбоносному событию, навеки предопределившему судьбу славянского мира, впоследствии оказалось возможным создание мифа о божественном происхождении наших предков от Даждьбога — бога солнца и сына Сварога. На основании тщательного сопоставления самых различных источников в книге восстанавливается связанная с богом-кузнецом часть духовного откровения, данная славянам на заре их истории.

Книга предназначена как для профессионалов-историков, так и для всех, интересующихся историей родного народа и завещанной нам предками духовной традицией.

УДК 94.001.5
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-4438-0303-6

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие, или Размышление о том, зачем нужна эта книга	5
<i>Глава 1. Письменные источники о Свароге и значение его имени</i>	<i>23</i>
<i>Глава 2. Небесный отец прародителя славян.</i>	<i>108</i>
<i>Глава 3. Происхождение кузнечного дела и образ кузнеца в мифологии</i>	<i>160</i>
<i>Глава 4. Кузнечное дело у славян</i>	<i>214</i>
<i>Глава 5. Божий коваль</i>	<i>282</i>
<i>Глава 6. Бог-пахарь</i>	<i>314</i>
<i>Глава 7. Бог — победитель Зла</i>	<i>375</i>
<i>Заключение</i>	<i>410</i>
Словарь основных мифологических персонажей, встречающихся в данной книге	425
Список иллюстраций	428

Глава 1

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О СВАРОГЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ИМЕНИ

Первое упоминание об этом боге мы встречаем во вставке в Повесть временных лет, сохранившейся в тексте Ипатьевской летописи под 1114 г. Рассказывая о чудесных событиях того периода, летописец проиллюстрировал их рассказом из популярной на Руси византийской средневековой хроники Иоанна Малалы (прозвище, означавшее собственно «Ритор», «Говорун»), которая на протяжении многих веков была практически единственным источником, из которого наши далекие предки могли подчерпнуть хоть какие-то сведения по античной мифологии, литературе и истории. Данный фрагмент был приурочен к Древнему Египту и повествовал о самом начале человеческой цивилизации, представляя, в византийском оригинале, причудливую смесь библейской и античной мифологии: «А в Африкѣ трие камене спадоша превелици и бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царьствовати первое Местромъ, от рода Хамова, по немъ Еремия, по немъ Феоста иже и Соварога нарекоша егуптяне. Царствующю сему Феоста въ Егуптѣ, въ время царства его спадоша клѣщѣ с небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и камениемъ быяхуся. Тѣ же Феоста законъ оустави женамъ за единъ мужъ посагати и ходити говеючи, а иже прелюбы дѣючи, казнити повелѣваше. Сего ради прозваше и бог Сварогъ. Преже бо сего жены блудяху, к немуже хотяше и бяхоу акы скотъ блудяще. Аще родяшетъ дѣтищъ, которыи и любовь бываше, дашеть: «Се твое дитя». Он же створяше празнество приимаше. Феостъ же съ закон расыпа

и въстави единому мюжю едину жену имѣти и женѣ за одинѣ моужь посагати; аще ли кто переступить да ввергуть и в печь огнену. Сего ради прозваша и Сварогомъ и блажиша и егуптяне. И по сем царствова сынѣ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбог, семъ тысящъ и 400 и семѣдесять днии, яко быти лѣтома двемадесятьма ти по лунѣ видаху бо егуптяне, инии чисти ови по лунѣ чтяху, а друзии деньми лѣт чтяху; двою бо на десять месяцю число потомъ оувѣдоша. От нележе начаша чѣловѣци дань давати царямъ. Солнце царь, сынѣ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бѣ бо мужъ силенъ; слышавше нѣ от кого жену нѣкую от егуптянинѣ богату и всажену соуцю. И нѣкоему, въсхотѣвшю блудити с нею, искаше ея яти ю хотя. И, не хотя отца своего закона расыпати, Сварожа, поемъ со собою моужь нѣколко своихъ, разумѣвъ годину, егда прелюбы дѣеть, ночью припаде на ню, не оудоси мужа с нею, а ону обрѣте лежащую съ инѣмъ, с нимъ же хотяше. Емъ же ю и мучи и пусти ю водити по земли в корзинѣ, а того любодѣица всѣкну. И бысть чисто житѣе по всеи земли Егупетъскои, и хвалити начаша» (ПСРЛ, т. 2, Ипатьевская летопись, М., 2001, стб. 278—279). — «А в Африке (с неба) упали три огромных камня и после потопа и после разделенья языков начал царствовать первым Местром от рода Хамова, после него Еремия, после него Феоста, как египтяне называли Сварога. Когда Феост правил в Египте при нем с небес упали клещи и (люди) начали ковать оружие, а прежде бились палицами и камнями. Тот же Феост закон установил женам выходить за одного мужа и хранить ему верность, а прелюбодеек велел казнить. Поэтому его и прозвали богом Сварогом. До этого жены блудили с кем хотели и были как скот блудящие. Когда родился ребенок (женщина) говорила тому, кто ей был люб: «Это твое дитя». Феост этот порядок уничтожил и велел одному мужу иметь одну жену, а того, кто преступал этот закон, ввергал в огненную печь. За все за это назвали его египтяне Сварогом и почитали как бога. И потом царствовал сын его, именем Солнце, его же называют Дажьбог,

7470 дней, что составляло двенадцать с половиной лет. Не умели египтяне иначе считать: одни по луне считали, а другие днями годы считали; число 12 месяцев узнали потом, когда начали люди дань давать царям. Дажьбог был сильным мужем; услышав от кого-то о некоей богатой и знатной египтянке и о некоем человеке, восхотевшим сойтись с нею, искал ее, желая схватить ее (на месте преступления) и не желая закон отца своего нарушать, Сварога. Взяв с собой нескольких своих мужей, зная час, в который она прелюбодействовала, ночью в отсутствие мужа ее застиг лежащею с другим мужчиной, которого сама облюбовала. Он схватил ее, подверг пытке и послал водить ее по земле египетской на позор, а того прелюбодея обезглавил. И настало непорочное житие по всей земле Египетской, и все восхваляли его».

Феост Иоанна Малалы — это древнегреческий бог-кузнец Гефест, которого славянский летописец отождествил со Сварогом для того, чтобы образ этого божества стал более понятен отечественным читателям, не знакомым с античной мифологией. Как видим, по мысли славянского книжника этот бог соотносился с переходом человечества от каменного века к цивилизации, развившемся в изготовлении оружия и, очевидно, других металлических вещей, а также переходом от неупорядоченных половых сношений к единобрачию, а его сын Дажьбог — с установлением царской власти и введением солнечного календаря взамен лунного. Хроника Малалы была переведена на славянский язык весьма рано — в X веке. О точном месте ее перевода мнения исследователей расходятся: большинство ученых считают, что он был сделан в Болгарии, а З.В. Удальцова полагает, что это произошло в Киевской Руси. До сих пор мы не можем дать четкого и однозначного ответа на вопросы, поставленные И.А. Мещерским еще в 1956 г.: «Накопец, до сих пор неясно и само происхождение перевода. Был ли он на самом деле выполнен в Болгарии в царствование царя Симеона в 927 г. пресвитером Григорием, как об этом свидетельствует запись, помещенная в Ар-

живном и Виленском списках перед текстом пятой книги? Или указанная запись имеет в виду, как предполагал В.М. Истрин, лишь перевод примыкающих к тексту Малалы библейских «книг царства» и ничего общего не имеет с древним переводом Малалы? Русский или болгарский по происхождению этот перевод?» (Мещерский И.А. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы // ВВ, т. XI, 1956, с. 284).

Вне зависимости от того, в какой именно славянской стране был осуществлен перевод интересующего нас отрывка, сопоставление Феоста-Гефеста со Сварогом в равной степени было понятно как болгарам, так и русам.

Обращаясь к собственно славянскому переводу этой хроники, опубликованной В.М. Истриным, мы можем увидеть, что адаптация античной мифологии к славянской прошла два этапа. Описание царствования Дажьбога-Солнца как в летописном тексте, так и в славянском переводе хроники Иоанна Малалы почти полностью совпадают за исключением того, что в последней дополнительно упоминается мотив изобличения Афродиты и сообщается о дальнейших преемниках божества солнца на египетском троне: «...и быс чисто житіе по всеи земли египетстѣи. И блажити и начаша, якож рече Омиръ творецъ о нѣмъ, акы Дажьбогъ, рече, обличи Афродитоу блоудящу съ Аріемъ, и Афродитоу нарече похоть блоудную, от Слнца пря обличеноу... По оумртвіи ж Дажьбожи, сна Сварогова, црствова Егуптяном и потом же царствова Сиръ, а по Сиръ црствова Оръ, а по Оръ црствова Фились...» (Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга вторая // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете, X, Византийско-славянское отделение, VII, Одесса, 1902, с. 465—466).

По мнению О.В. Творогова, «летописец не привел этого окончания, быть может, из христианского пуризма». С другой стороны, в посвященном Феосте-Гефесту рассказе славянского перевода византийской хроники он ни разу не отождествляется со славянским Сварогом, да и сам рас-

сказ, в основном совпадая с текстом Ипатьевской летописи, отличается от него в некоторых деталях: «По немъ ж (Ермии-Гермесе) прствова Егуптом Феостъ дніи 6 тысящъ и 6 сот и 80 яко быти лѣтом 4 ти полу, а дніи 30 и осмь. Не вѣдяху бо тогда чести Егупти мѣцъ, но обхожденіемъ дневнымъ лѣто творяху. Сего жъ Феста бога нарицааху. Бѣ бо влѣхвъ и храбръ. Емоу жъ шедшу на рать падеся конь под нимъ и охромил его. При томъ жъ Феостъ законъ оуставилъ женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣючи, а юже прелюбодѣющую обрѣсти то тую казнити. И блажахуть его Егуптяне яко прѣвѣ законъ чистъ и житіе имъ показалъ. Феостоу же тому некую таиноу молитву творящу клещи спадоша с нѣси ковати желѣзо и оружіе. Того дела бога и начаоша имѣти яко моудрость показавша, и пищу члкомъ оружіемъ обрѣтоша и на ратныя силу и помощь сътворша, прежде бо палицами и каменіемъ побивахуся» (Истрин В.М. Первая книга хроники Иоанна Малалы // Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению, т. 1, СПб., 1897, №3, с. 19).

Как видим, здесь указывается точное число дней царствования Феоста, который к тому же оказывается еще храбрым воином и волхвом, по тайной молитве которого с неба и спадают клещи. Все эти подробности русский летописец опустил, равно как и подчеркнутую в славянском переводе роль выкованного оружия в добывании новой пищи. Судя по всему, славянский переводчик хроники Иоанна Малалы начал отождествление родной мифологии с античной только начав излагать историю Солнца-Дажьбога, тогда как Сварог первоначально не был им отождествлен с Гефестом. Это второе отождествление появляется лишь дважды при описании правления бога солнца — первый раз в начале описания его правления: «По оумрѣтвіи же Феостовѣ, егож и Сварога наричить, и прствова Египтяномъ снѣ его Слнце именемъ, егож нарицають Дажьбогъ...» (Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга вторая..., с. 465), а второй раз в цитированном выше фрагменте о смерти Дажьбога и перечислении царствовавших в Египте его преемников.

Это показывает устойчивость родственной связи между славянскими богами неба и дневного светила — отождествив последнего из них с Гелиосом античной мифологии, славянский переводчик счел необходимым упомянуть и его небесного отца путем отождествления с предшествующим персонажем хроники, хоть, по всей видимости, первоначально не собирався этого делать. Следует также отметить, что у Малалы Гефест и Гелиос фигурируют не как боги, а как легендарные цари, и, отождествив их со славянскими языческими богами, славянский переводчик, судя по всему, по собственной инициативе вернул им статус небожителей. Необходимо обратить внимание и на чрезвычайно важное расхождение славянского перевода «Хроники» и летописной статьи, а именно то, что в последней неожиданно появляется рассказ о том, как Сварог пресек прелюбодеяние: «Преже бо сего жены блоудяху, к немуже хотяше и бяхоу акы скоть блудяще. Аще родяшетъ дѣтищъ, которыи и любѣ бываше, дашетъ: «Се твое дитя». Он же створяше празнество приимаше. Феость же съ закон распыа и въстави единому мюжю едину жену имѣти и женѣ за одинъ мough посагати; аще ли кто переступить да ввергуть и в пещь огнену».

Долгое время источник данной вставки оставался неизвестен, пока вопрос не прояснил О.В. Творогов: «Выяснилось, что это пересказ той же Хроники Малалы, однако не первой и второй ее книг, к которым восходит остальная часть рассматриваемого летописного текста, а гл.IV четвертой книги. Там повествуется о легендарном царе Аттике Кекропсе, который также «повелѣ законъ положити женамъ... да дѣвица за единъ мужъ посягаетъ», ибо прежде женщины «антически и афинеиски и ближнихъ мѣстъ звѣриномъ смѣсомъ смѣшахуся»; при этом «никтоже убо вѣдѣше, чии есть сынъ или дщи, но якоже будѣше матери годѣ, такоже речаше «сего есть сынъ или дщи», и дадѣше роженое отроча емуже хотяше мужу от бывшихъ с нею... И радовашеся приемляи отрочи. Кекрокъ же от Египта пришедь отверже законъ

тои». Сюжетная близость летописного фрагмента и данного рассказа Хроники Маллы несомненна, хотя в одном случае речь идет о египетском царе Гефесте, а в другом — о царе афинском, хотя и пришедшем из Египта» (Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // ТОДРА, т. XXXIII, 1979, с. 10).

Что побудило летописца отойти от славянского перевода «Хроники»? С учетом произведенного отождествления со славянским Сварогом можно предположить, что в данном случае русский летописец знал какие-то представления, связанные со славянским божеством, и включил в свою статью схожий по сюжету рассказ из другого места произведения Малалы, никак не связанный с Гефестом. Необходимо также подчеркнуть, что и привлекаемый рассказ о Кекропсе ничего не говорит об огненной печи, в которую ввергались ослушники. Как мы увидим в третьей главе, данная печь играла большую роль в культе славянского бога-кузнеца и введение ее в рассказ, приведшее к противоречию с повестью о Гелиосе-Дажьбоге, совершенно иначе казнившем прелюбодеев, было обусловлено уже отечественными мифологическими представлениями.

В любом случае данный фрагмент, уже в более связанном и литературно обработанном виде, в XII веке попадает в древнерусский летописный свод, показывая, что и спустя почти 130 лет после крещения многие грамотные люди на Руси помнили своих языческих богов. Забегая немного вперед, отметим, что далеко не случайным было и то место, куда автор летописи вставил рассказ о древнегреческом боге, отождествленным им с русским. Естественно возникает вопрос, действительно ли бог Солнца Дажьбог был сыном Сварога, либо подобная связь отсутствовала в подлинной славянской мифологии и произвольно была образована славянским переводчиком «Хроники» Иоанна Малалы путем отождествления Гефеста и Гелиоса с отечественными языческими божествами.

Во-первых, пара Сварог-Дажьбог в качестве отца и сына присутствует и в первоначальном славянском пе-

реводе «Хроники», и во вставке в Ипатьевскую летопись, что говорит в пользу существования данной родственной связи и наличия соответствующего мифа. Во-вторых, собственно славянский материал свидетельствует о наличии божественной пары отец-сын, причем последний является олицетворением дневного светила. В Боснии и Герцеговине был зафиксирован ритуал, когда утром на восходе солнца в день Рождества Христова, т.е. в момент зимнего солнцестояния, хозяин дома становился перед своим жилищем и восклицал: «Сияй Боже и Божич, нам, нашему дому». Как справедливо отмечает А.С. Фаминцын, «Бог» в данном случае первоначально означал, очевидно, небо или небесного владыку, а «Божич» — его чадо, солнце. И самый праздник Рождества Христова у сербо-хорватов и словинов называется «Божич», а у болгар — «Божик» (Фаминцын А.С. Божества древних славян, СПб., 1995, с. 128, 178).

У сербов под Божицем понимается рожденное в день Рождества Христова солнце. На Руси, в Грубешовском уезде Люблинской губернии крестьяне полагали, что солнце представляет из себя огонь, поддерживаемый ДЕДОМ, который, очевидно, являлся верховным богом неба. По произволу Деда начинался день и наступала ночь (там же, с. 147).

В ходе нашего дальнейшего исследования мы постараемся установить, насколько оправданным было такое совпадение, а пока рассмотрим, что нам еще известно о Свароге.

В отечественных письменных источниках этот бог больше не фигурирует (по мнению А.Н. Афанасьева, в формуле договора 944 г. с греками, согласно которой его нарушитель «да будет клясть от бога и от Перуна» (ПВЛ, ч.1, М.-Л., 1950, с. 39), слово «бог» относится не к Перуну, а к Сварогу; впрочем, следует отметить, что данный фрагмент допускает возможность неоднозначного толкования и там вовсе не обязательно подразумевался именно этот бог, который по другим источникам никак не фигурирует как бог-хранитель договоров), зато там неодно-

кратно упоминается его сын Сварожич. В древнерусском поучении против язычества «Слове Иоанна Златоуста о том, как поганные веровали идолам» сын бога-кузнеца оказывается в одном ряду с другими знаменитыми богами отечественного пантеона: «А друзии Перену, Хоурсу, виламъ, и Момоши, оуперемъ и берегынямъ, ихже нарицать тридцать сестрениць. А инии въ сварожитца веруютъ и въ Артемиду, имже невеглаши человеци молятся, и куры имъ режють. О оубогая коурята, оже не на честь святымъ породишася, ни на честь вернымъ человекомъ, но на жертву идоломъ режються!» (Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь, СПб., 1914, с.89).

Сварожич здесь упоминается вместе с такими великими древнерусскими богами как Перун и Хорс, причем автора поучения крайне удручает, что им в жертву язычники приносят петухов (др.-русс. *куръ*, сербское *кур* — «петух», который у чехов так же назывался *kurek*, у поморских славян и у поляков — *kur*). С этой деталью ритуала, подтверждаемого для Перуна сообщением Константина Багрянородного, применительно к христианскому приемнику Сварога в эпоху двоеверия мы встретимся позднее, а пока посмотрим, что еще нам могут дать отечественные источники.

Другое древнерусское поучение «Слово некоего Христолюбца, ревнителя по правой вере», пересказывая выше приведенный фрагмент, добавляет одно существенное пояснение: «коуры режють; и огневи молятъ же ся, зовуще его сварожичымъ» (там же, с. 374). Так сын Сварога напрямую отождествляется автором поучения с огнем, культ которого у славян единодушно отмечался отечественными и мусульманскими писателями. По этому поводу Ибн Руст высказывался абсолютно однозначно: «Все Славяне — огнепоклонники» (Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т.2, М., 1967, с. 114—115).

Наконец, еще одну подробность добавляет очередное христианское поучение «Слово св. Григория о том,

како первое погани суще языци кланялись идоломъ и требы им клали; то и ныне творять»: «И огневы сварожичю молятся и навъмъ мѣвъ творять и въ тесте мосты делаютъ...» (Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь, СПб., 1914, с. 384—385). Поклонение Сварожичю здесь поставлено рядом с упоминанием поклонения навьям — умершим предкам. Что касается первого явления, то автор «Слова св. Григория» даже постарался дать ему рационалистическое объяснение: «А огонь творять спорыню сушить, егда съзреетъ. Того ради окаанныи полудень чутъ и кланяются на полъдень обратившеся» (там же, с. 386). По его мнению, почитание сына Сварога возникло из-за того, что славяне заметили, что от солнечного тепла зреет и сохнет хлеб и потому по-язычески стали кланяться на юг — полдень.

В «Слове некоего Христолюбца» обличаются «и вся жертва идольска, иже молятся огневи подъ овиномъ» (там же, с. 377), а на древность этого обычая, ставшего объектом преследования немедленно после насильственной христианизации Руси, указывает церковный устав Владимира определявший, что молящиеся под овином подлежат церковному суду. К этому же обряду следует отнести и пословицу «церковь не овин», отрицающую, с позиций новой религии, равный сакральный статус обоих объектов. Народный риторический вопрос «Неужто я у Бога овин сжег или теленка украл?» (в смысле «неужели моя вина непрощенная?») указывает на то, что данное строение считалось принадлежавшим богу, наподобие того, как христианская церковь считалась домом библейского бога. В русских загадках овин со снопами описывается как священник: «Стоит поп, разинувши рот» (Загадки, Л., 1968, с. 80), что также является отголоском памяти о сакральной значимости этого строения. В другом варианте той же загадки он именуется старым человеком: «Стоит старик из году в год, разинув рот», что соотносится с тем, что Сварог был, безусловно, старше своего сына огня-Сварожича, разведившегося под овином.

Рис. 1

При конце молотбы хозяин этого строения угощал помощников пирогами, приговаривая: «Дай Бог овину в мире стоять!» (Майков Л. Великорусские заклинания, СПб, 1869, с. 113). Для того, чтобы понять связь овина со Сварожичем и его отцом, стоит вспомнить устройство этого архаичного сельскохозяйственного сооружения. Оно состояло из ямы, в которой разводили небольшой костер, жердей, на которые укладывались снопы для просушки или, при более сложной конструкции, частокола или бревенчатого сруба над ямой, обмазанного глиной бревенчатого пола, отделяющего верхний ярус от нижнего, и специальный помост из жердей для снопов (рис. 1).

Вплоть до XIX—XX вв. овин был объектом религиозного почитания: считалось, что в его яме живет *овинник* или *овинный батюшка*, в облике которого явно проглядывают черты духа огня, которому на Руси 4 сентября и 1 ноября в жертву резали кур, а белорусы, разводя огонь под овином, бросали в него необмолоченный сноп ржи как жертву огню. Кроме того, существовали праздничные дни, в которые запрещалось разводить там огонь и эти дни назывались именинами овина (в разных местах они справлялись 14, 24 сентября или 1 октября).

Ниже мы увидим, что с индоевропейской эпохи столб или жердь, из которых состояла древнейшая фор-

ма овина, ассоциировался со Сварогом, далее будет показана тесная связь этого бога с огненной ямой. Подобно тому, как в змееборческом мифе бог-кузнец спасает людей или главного героя, такую же роль спасителя играет и дух овина: «Овинянник — добрый дух; не жалея себя, он постоит за «своего». «Он, батюшка, — говорят про него пудожане, — чужому не выдаст, только помолиться ему», и в доказательство приводят рассказ, как овинянник, чтобы спасти парня от преследования души умершей старухи, «до самых петухов дрался с призраком», а парня сберег» (Харузина В. К вопросу о почитании огня // ЭО, 1906, №3—4, с. 100). В свете того, что Сварог был богом-покровителем свадьбы, интересно отметить сходные же черты и у овинника. В.И. Даль приводит следующее народное поверье по этому поводу: «Девка кладет ночью руку в овинное окно: коли никто не тронет, в девках сидеть; голой рукой погладит, за бедным быть; мохнатою — за богатым».

Как верно отмечалось еще дореволюционными исследователями, авторы древнерусских поучений против отечественного язычества стремились не к сохранению сведений о нем, а к его тотальному искоренению, и потому их произведения дают нам крайне мало информации о сущности исконной религии наших предков. Тем не менее, несмотря на всю их скудость, они однозначно указывают, что сын Сварога ассоциировался с земным огнем, которому, в частности, молились под овином, что может быть истолковано как сельскохозяйственный аспект его культа, а также упоминался вместе с ритуальным жертвоприношением кур и почитанием умерших предков. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что те же или так или иначе связанные с этим черты присутствовали и у его отца Сварога. Поскольку после 988 г. значительная часть черт языческого бога перешла на новых святых Кузьму и Демьяна, показательным является то обстоятельство, что с этими святыми связывается как покровительство курам, так и их ритуальное заклятие: «Не менее широко бытовало представление о

Косме и Дамиане как хранителях кур, «куриных богах», «курятниках». Самый день осенних праздников святых (1 ноября) нередко называли «Куриный праздник», «кочетятник» (от кочета). (...) В народе говорили: «На Кузьму и Демьяна — куриная смерть» (кур режут) или «Кузьма-Демьян да жены-мироносицы — куриная смерть»; «На Кузьму-Демьяна — курячьи именины, неси попу цыпленка» (Макашина Т.С. Святые Косма и Дамиан в русском фольклоре // Живая старина, 1994, №3, с. 21).

Как описывал этот ритуал А.Н. Афанасьев, 1 ноября вся семья собиралась в овине, где старший в роду рубил топором голову кочету, его ноги бросал на верх избы, чтобы в доме водились и неслись куры, а мясо варилось и съедалось за семейным обедом. Целый ряд черт этого бытового праздника напоминает нам о языческом боге: и овин как место его проведения, который в древнерусских поучениях фигурировал как место культа Сварожича; и то, что голову петуху отрезал старший в семье, чему соответствовало положение Сварога в славянской мифологии как старшего бога, отца Дажьбога; и то, что ноги убитого петуха бросались на верх избы, естественным образом ассоциируемой с небом, для обеспечения плодородия кур; и, наконец, то, что мясо принесенного в жертву кочета варилось, что напоминает нам о роли Сварога как бога культуры, введшего в человеческий обиход именно вареную пищу. Как видим, почти все в этом незамысловатом деревенском ритуале эпохи двоеверия было обусловлено древними языческими представлениями. Устойчивая связь его отца Сварога, замененного в христианскую эпоху Кузьмой-Демьяном, доходящая до определения «куриный бог», и Сварожича с курами и петухами объясняется как минимум двумя причинами: с одной стороны, петух был птицей, тесно связанной с солнцем в фольклоре, а с другой стороны, он был домашней птицей, всецело относившейся к сфере противостоящей дикости человеческой культуре, богом которой и был Сварог.

В Курской губернии плодородие кур обеспечивалось 1 ноября путем обрядового моления за этих живот-

ных: «Молят кур — под день св. Кузьмы и Демьяна, касарецких (поросят) — под Новый Год. При моленьи кур и поросят качают за столом жаровню с угольями. На стол кладут стебли ржаные... и на них складывают кости жаркого, кур или поросят...» (Халанский М. Говоры Курской губернии // Сборник Академии наук, т.76, № 5, с. 368) Примечательно, что в этом обряде использовались угли, напоминающие о роли бога неба как отца огня-Сварожича, и хлебные злаки, которые, как будет показано ниже, так же были тесно связаны с образом Сварога.

Отметим, что почитания огня у восточных славян имело такие глубокие корни, что сохранилось вплоть до XIX века. В одной украинской быличке огонь, приняв человеческий облик, поучает нерадивого крестьянина: «Я твій хозяин. Як топиш у печи, то став воду; я як ситий водою, то я пожару не зділаю, а як хто не станове, то мени до того горяче, до того горяче, що у мене як серце горить; а як водица е, то я собі трошки хлестну — я й ситий тим» (Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в., М.-Л., 1957, с. 68).

В Подольской губернии хозяйка всегда ставит при огне в печи горшок с водой и полено, «для того, чтобы он имел, что есть и пить». «Мы шануэм огонь, говорят в народе, як Бога; він наш дорогой гість. Він як разсердытся и визме, то другому вже того не даст» (Харузина В. К вопросу о почитании огня // ЭО, 1906, № 3—4, с. 72). Русская поговорка устанавливает следующую иерархию природных стихий, отводя в нем огню самое почетное первое место: «Огонь царь, вода царица, земля матушка, небо отец, ветер господин, дождь кормилец, солнце князь, луна княгиня». В Полесье К. Мошинский записал следующее объяснение: «Его (огонь) нужно почитать все равно как бога. У нас огонь почитают, так как он может спалить». Крестьяне Минской губернии, заметив перед отходом ко сну, что на припечке тлеет огонь, говорили ему: «Святой, богач, ложися спать!» В Кадниковском уезде крестьяне прямо называли его батюшкой: «огонек, огошек, батюшка огонек!», а гася на ночь гово-

рили ему: «спи, батюшка огонек!» (Неуступов А.Д. Следы почит огня в Кадниковском уезде // ЭО, 1913, №1 — 2, с. 245). Описывая обычаи белорусских крестьян второй половины XIX века, П.В. Шейн констатировал: «Огонь и до сих пор означает у здешних крестьян богатство и счастье. Так, во время свадьбы, молодые, приезжая уже в дом родителей жениха, должны переехать через огонь, зажженный в воротах для того, чтобы им посчастливилось в жизни» (Шейн П.В. Белорусские народные песни, СПб., 1874, с. 140). Если связь огня с богатством и счастьем понятна, то не менее примечательна его роль и в свадебной обрядности, особенно если учесть, что отец огня Сварог и был как раз покровителем свадьбы.

Что касается истоков почитания огня, то они уходят в незапамятную эпоху. Еще недавно специалисты считали, что огнем овладел Номо Erectus 200—300 тысяч лет назад. Вскоре эта дата была увеличена вдвое: «Очаги и другие следы использования огня обнаружены в пещере Эскаль (Франция). Эта стоянка относится к гюнц-минделю или, самое позднее, к началу минделя. Возраст ее определяется в 700 тыс. лет. Бесспорно существование очагов в стоянках Вертешселлеш и Терра-Амата, которые относятся к минделю. (...) Это дает основание полагать, что огонь был освоен в гюнц-минделе, причем архантропами, жившими в умеренном поясе» (История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза, М., 1983, с. 350).

В золе костров этих архантропов исследователи находят остатки животной и растительной пищи. Однако, отмечает Д. Ламберт, последние археологические открытия заставили скорректировать и последнюю дату: «Огонь был, по-видимому, знаком людям еще до появления Номо Erectus: около озера Туркана в Кении известен участок обугленного грунта возрастом 2,5 миллиона лет. Человек мог сохранять и поддерживать огонь, возникший в результате удара молнии или извержения вулкана. Но можно утверждать, что именно Номо Erectus первым начал систематически использовать огонь для

обогрева, приготовления пищи, защиты от хищников и для охоты на диких животных» (Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель, Л., 1991, с. 135). В мустьерскую эпоху люди научились не только поддерживать огонь, но и добывать его трением. Что касается неандертальцев, то они уже знали, как разводить огонь, высекая искры из кусков камня. Открытие искусства добывания огня таким способом иранская традиция приписывает второму царю этой страны и первому кузнецу Хушенгу:

Шел горной тропой владыка земли,
Немногие с ним приближенные шли.
Вдруг видят: несется к ним издали змей,
Длины небывалой и ночи темней.
Глаза — что кровавые омуты. Тьму
На землю нагнал он: все в черном дыму.
Не дрогнул Хушенг, быстроумный герой;
Он, камень схватив, бурно ринулся в бой;
Взмахнул им во всю богатырскую мочь;
Отпрянуло чудище, кинулось прочь.
Ударился камень о крепкий гранит, —
Гранит раскололся и камень разбит.
И брызнул огонь из осколков камней,
Стал темный гранит багряницы красней.
Дракона могучий Хушенг не настиг, —
Но тайну огня разгадал он в тот миг.
(Фирдоуси. Шахнаме, т. 1, М., 1993, с. 29)

В честь этого события правитель учредил праздник Сэдэ, отметив при этом его божественное происхождение:

Божественным даром огонь называл,
Людей поклоняться ему призывал.
Сказал: «Это благо послал нам Йездан,
Чти свято огонь, коли ум тебе дан».
(с. 29—30)

Если вновь вернуться к восточнославянской традиции, то в белорусская песня, приуроченная к празднику Купало, прямо утверждает, что сам бог зажигает святой огонь:

Сегодня у нас Купала... То! То! То!
Сам Бог огонь расклау,
Усих святых к себе создау.

*(Шейн П.В. Белорусские народные
песни, СПб., 1874, с. 153)*

Интересно отметить, что в белорусской традиции встречается противопоставление огня природного и огня культурного. Легенда «Как человек добыл огонь» рассказывает об этом так: «Первый огонь к нам прилетел с Перуном (Перуном в белорусском языке назывался не только языческий бог, но и молния. — М.С.), а как загорелся один курень из хвороста, так люди сбежались отовсюду хватать головешки да по своим куреням и землянкам в золе прятать. Да с этим огнем не везло никому, пока одному старому колеснику, который кроме колодок точил и веретена, не пришла счастливая мысль попробовать кружки для веретен выстругивать ясеневым клинком, а не вырезать ножом, как до этого. «Почему нет? — сказал колесник сам себе. — Ясень тверже, так надо взять более мягкую березу — давай-ка попробуем!»

Выстругавши ясеневый клинок, приставил его к веретену, сильно прижимаючи, и начал смычком тереть то сюда, то туда, все скорей, глядь, пошел дым с веретена, да так заполыхало, как от костра. Он все дальше тереть, все скорей да быстрее, аж пока лоб стал мокрый и с веретена искры посыпались. Так вот, когда человек нашел настоящий огонь, тогда люди всюду потушили перунов огонь и завели свой огонь и с тех пор стали лучше жить» (Славянский фольклор, М., 1987, с. 180).

Понятно, что в этой легенде достаточно много элементов из более поздних эпох (это наличие колеса и ремесла колесника, и куреней с землянками, в которых уже

присутствует зола), тем не менее, вполне возможно, что в основе ее лежит воспоминание об архаичном способе добывать огонь трением. Хотя первоначальный огонь древнего человека был, скорее всего, огнем природным, полученным при ударе молнии или от извержения вулкана (хоть нельзя полностью отрицать возможность того, что какие-то племена впервые получили огонь случайно при ударе одного куска кремня о другой, как это описывает Фирдоуси), по мере развития культуры этот огонь терял свое значение в повседневной жизни человечества.

Описывая отношение восточных славян к различным видам огня, Д.К. Зеленин отмечал, что все они самым чистым и благотворным считают *живой огонь* — огонь, добытый трением двух кусков дерева, в качестве которых подчас использовались колосники (жерди, на которых сушили в овинах снопы) и иную домашнюю утварь. Этот священный огонь, считавшийся наиболее угодным богу, зажигали во время эпидемий и эпизоотий, потушив предварительно все огни в деревне. К страшному же небесному огню, возникшему от удара молнии, которой бог-громовержец поражал нечистую силу, относились с почтением и опаской, действительно избегая вносить его в свои жилища. Насколько мы можем судить по скудным письменным данным, огонь-Сварожич, хоть и был сыном бога неба, относился скорее к огню культурному, использовавшемуся при просушке хлеба в овине, жерди которого применялись для добывания живого огня, и, в этом качестве, противопоставлялся стихийной молнии-перуну.

Что же изначально означало имя Сварога? Попробуем дать ответ на этот вопрос сначала исходя из данных русского и других славянских языков, а затем привлечем данные индоевропейской лингвистики. Свидетельства древнерусской письменности и восточнославянской этнографии подкрепляются и данными языкознания, указывающими на связь корня *вар* с теплом и огнем. Еще Е.В. Аничков отмечал, что корень варить совсем не удивительно найти в названии священного огня. Очевидно, к этому же корню следует отнести и русское слово

сквара, означающее «жар». Обращаясь к другим славянским языкам, мы встречаемся с болгарским *варница* — искры, что вновь отсылает нас к священному огню-Сварожичу. О древности этого значения данного корня свидетельствует как встречающиеся в древнерусском языке слова *вар*, *варь* — «жар, зной» и *варьныи* — «жаркий, палящий», так и в других славянских языках: укр. *вар* — «жар», с.-х. *вар* — «жар», словен. *var*, чеш. *var* — «кипение». В этом значении корень *вар* восходит ко временам индоевропейской общности: хет. *uar* «гореть», *uarnu* «сжигать», арм. *varem* «зажигаю», *varim* «горю», др.-в.-нем. *warm* «теплый», лит. *virti* «кипеть», латыш. *varīt* «варить, кипеть».

Данное понятие могло относиться не только к земному огню, но и к Солнцу, отцом которого, по славянской мифологии, был Сварог. В качестве примера Н.М. Гальковский привел выражение «солнце варом варит», как говорили в Смоленской губернии о полуденном зное, из чего этот исследователь сделал вывод, что вторым значением данного корня был «солнечный зной». Со своей стороны, В.И. Даль указал другую русскую поговорку «весною солнце как раз лицо сварит», т.е. обожжет. Исходя из этого, и ряда индоевропейских аналогий Н.М. Гальковский пришел к такому выводу: «Из этого мы заключаем, что Сварог был олицетворением неба, дающего тепло и соединяющего с землею, т.е. Сварог — это небесный свод, украшенный теплотворным солнцем и опирающийся на землю — горизонт. (...) Итак Сварог — это видимое небо, твердь с обычными принадлежностями — солнцем и горизонтом. Дети Сварога — огонь и солнце» (Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси, т.1, Харьков, 1916, с. 19).

Следует отметить, что данный корень с весьма близким кругом значений перешел путем заимствования и в язык южных соседей славян. В румынском языке слова *sfarog*, *sfarogi* означает «сушиться», «жарить на жаровне», от них образовано прилагательное *sfaroage* «сухощава» (о человеке), существительное *sfara* «удушливый чад,

копоть». Весьма показательно, что данное понятие использовалось применительно и к религиозной сфере и П. Сырку даже приводит выражение XIX века «дела церковные находятся в хорошем состоянии; они не расстроены и сухи (т.е. тверды), как сфарог». Поскольку этот корень постоянно используется в румынском языке с начальным *с*, это свидетельствует о том, что данное понятие было образовано путем заимствования имени славянского бога неба, а не корня *вар*.

Еще более примечательным нам представляется тот факт, что в молдавских памятниках XV в. встречается имя славянского языческого бога солнца, что говорит не только о связи между Сварогом и Дажьбогом, отмеченной еще автором Ипатьевской летописи, но и об их большой популярности в славянской среде, приведшей даже к заимствованию обоих имен иноязычными соседями. П. Сырку датировал заимствование слова румынами от восточных славян не позднее VIII—X вв. и совершенно справедливо отметил: «Без всякого сомнения, румынское *sfarogu*... находится в полнейшей связи с славянским именем божества Сварога. Такая же связь несомненно существует между собственным именем одного из молдавских бояр при государе Стефане Великом (1458—1508 гг.) Дажбог и слав. Дажьбог» (Сырку П. Славяно-румынские отрывки // ЖМНП, 1887, май, с. 3).

Относился этот корень и к приготовленной на огне пище. Выделяя для него целый ряд значений, Н.М. Гальковский на первое место он ставил *кипение, свареное кушанье*. В псковском и новгородском диалектах *варка* означало «варево», «похлебку» и вообще «всякое жидкое горячее блюдо». В сниженном и несколько негативном варианте данный корень употребляется во владимирском, тверском, московском диалектах *варызать*, тамбовском *варызать* — «спешно хлебать, есть похлебку жадно, невежей». От себя добавим, что в свете рассмотренных выше представлений особую важность представляет слово *варево* — сваренная на огне пища растительного происхождения.

Противопоставление на уровне пищевого кода сырой и вареной пищи является важным показателем перехода от дикости к цивилизации, что подтверждает сделанное славянским книжником отождествление Сварога с Гефестом как богом, способствовавшего переходу людей от каменного века к культуре. Память об этом поворотном событии в развитии общества хранилась на Руси долго, перейдя после христианизации со Сварога на во многом заменившего его святых Кузьму и Демьяна: «Крестьяне XIX в. называли Косму и Дамиана «кашниками», потому что к 1 ноября во многих деревнях заканчивалась молотба и было принято варить кашу. Отведать ее приглашали и святых угодников: «Кузьма-Демьян, — говорили крестьяне, усаживаясь за трапезу, — приходи к нам кашу хлебать» (Макашина Т.С. Святые Косма и Дамиан в русском фольклоре // Живая старина, 1994, № 3, с. 21). У южных славян этим корнем обозначали ритуальную пищу, по которой гадали о будущем урожае.

С принятием христианства данный ритуал, по созвучию слов, был приурочен ко дню св. Варвары: «Так, в Варварин день, сербохорваты готовят из хлебных зерен «варицу» и гадают по ней о будущем урожае. Затем, в иных местах (напр., в Которской Боке в Далмации и др.) отправляются к воде, при соблюдении строгого молчания. Пришедши туда, посыпают воду варицей, причем приветствуют воду, предлагают ей в дар варицу, а за то испрашивают разных благ: козлят, ягнят и т.п.» (Фаминцын А.С. Божества древних славян, СПб., 1995, с. 47—48).

У других индоевропейских народов данный корень встречается как в названиях первоначальной посуды для варки пищи, так и в названии первого металла, освоенного человечеством: «...балтийское название меди, отличное от славянского, можно объяснить как производное на -ю- от глагольной основы, в древних индоевропейских языках обозначавшей горение, доведение до высокой температуры, ср., с одной стороны, прус. *vargein*, «медь», *varian*, *varene* «медный котел», лит. *varias* «медь», латыш. *vars* «медь», с другой — прус. *auwerus* «шлак», сопостав-

ляемое со слав. *u-var-*, *варъ* «вар», арм. *varem* «зажигаю», алб. *vorbe* «глиняный котел для варки», тох. *A wratk* «варить», хет. *uar* «гореть», *uarnu-* «сжигать»; хеттская основа на *-i*, представленная в архаичной интенсивной редупликации *uarnuarnant* «горящий», может быть непосредственно сравнена с аналогичной глагольной основой в славянском (рус. *варить*, ср. латыш. *varīt* «варить, кипеть»)...)» (Иванов В.В. История славянских и балканских названий металлов, М., 1983, с. 105—106).

Отметим для себя тот чрезвычайно показательный факт, что название меди в балтийских языках было образовано именно от этого индоевропейского корня, причину чего мы увидим в четвертой главе. Между прочим, и в русской средневековой литературе котел (называвшейся иногда медеником) неоднократно употреблялся совместно с интересующим нас корнем, что наводит на мысль о том, что корень *вар* некогда мог быть названием данного предмета и в славянском языке: «Мѣденик варчей»; «Котель мѣдной варовой» (Словарь русского языка, вып. 9. М., 1982, с. 58, 61).

Еда у общего костра объединяла людей и от той далекой эпохи до нас дошли выражения типа «С ним кашу не сваришь» или «С ним пива не сваришь» в смысле «не сделаешь общего дела». Подобные поговорки, ставшие крылатыми, отсылают нас к образу коллективной трапезы вокруг объединяющего племя огня. О древности подобных представлений свидетельствует связь Сварога с ритуалом общественного пира-братчины, которая так же будет рассмотрена в шестой главе. О том, что первоначальное значение слова *свара* было отнюдь не «ссора», а прямо противоположное понятие, скорее всего, «союз», свидетельствуют приводимые В.И. Далем данные. Так *сварить* (кого с кем) означало «помирить», «сдружить», «сделать товарищами» либо же «свести и обвенчать», «сладить свадьбу». Последнее значение этого термина напрямую отсылает нас к роли Сварога в качестве бог-покровителя свадьбы, которая будет нами рассмотрена в шестой главе. С негативным оттенком это понятие зву-

чало как *свариться* (с кем), т.е. «связаться», «сдружиться не к добру».

Поскольку этимологически с именем изучаемого божества связано слово *свара*, то, в свете того, что сыном бога неба был земной огонь Сварожич, стоит отметить, что с ним, наоборот, связывалось понятие мира и отсутствия распрей в семье: «... вечером, при зажигании огня в избе, стараются воздерживаться от ссор и ругани, чтобы не прогневить огонь» (Никольский Н.М. Дохристианские верования и культы днепровских славян, М., 1929, с. 11). В силу этого свидетельства и других данных можно предположить, что связь свар и прочих распрей со Сварогом не была исконной и, скорее всего, появилась на более позднем этапе.

С русским глаголом *сварить* в контексте свадьбы перекликается и имя скандинавской богини Вар, точно так же связанной со свадебным ритуалом. Она упоминается достаточно редко, и одним из таких мест является «Песня о Трюме» в «Старшей Эдде». Буквально имя богини Вар означает «договор» и вместе с молотом она призвана скреплять брачный союз:

Сказал тогда Трюм,
Етунов конунг:
«Скорей принесите
молот сюда!
На колени невесте
Мьелльнир кладите!
Пусть Вар десница
Союз осенит!»

(Беовульф. Старшая Эдда.
Песнь о нибелунгах, М., 1975, с. 238)

Данная тема будет более подробно рассмотрена в отдельной главе, о значении интересующего нас корня в значении «договор» в индоевропейских языках будет сказано чуть ниже, а пока завершим обзор семантического поля данного слова в той части, в какой она была связа-